

О Л ФЕТИСЕНКО

ДОСТОЕВСКИЙ, «РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ»
И «ПРАВОСЛАВНЫЕ НЕМЦЫ»*

(«Годы учения» Иосифа Фуделя)

В 1880-е гг вступает в деятельную жизнь поколение, одна из ветвей которого воспитана Достоевским. Характеризуя мировоззрение яркого представителя этой генерации, коему легенда ошибочно приписывает «прообразование» Алеши Карамазова, — иеромонаха, будущего митрополита Антония (Храповицкого), — современный богослов замечает, что доминантой этого мировоззрения «следует считать влияние Достоевского» «Достоевский был любим с отрочества, с юности, — пишет свящ Павел Хондзинский — Эта любовь не знала разочарований ни в зрелом возрасте, ни в преклонные года ( ) Для Антония Достоевский истинно был пророк и *лишше пророка* (Мф 11 9, Лк 7 29) Похоже, он был для него не только учителем жизни, но и одним из самых достоверных источников сведений о ней»¹

Это поколение смело можно назвать поколением «русских мальчиков», подразумевая, конечно, смысл, который вкладывал в эти слова Достоевский, — молодых людей, важнее всего в жизни полагающих для себя разрешение «вечных вопросов» Среди них довольно много людей, коим довелось пережить перерождение — от юношеского увлечения «нигилизмом» до «рождения в царство непоколебимое», говоря словами архимандрита Софрония (Сахарова) И в этом перерождении не последнюю роль сыграли «Братья Карамазовы» и Пушкинская речь Достоевского

К поколению «русских мальчиков» относил себя, например, Вячеслав Иванов, родившийся в 1866 г В финальной части своей статьи «Живое предание», посвященной славянофильству, он писал «Славянофилы и западники — наши старшие братья, а мы, узнавшие в православии свою свободную родину и родину всей свободы, мы, верящие в Русь святую, как в Русь вселенскую, мы — бывшие „русские мальчики“ Достоевского, сверстники Алеши Карамазова, выбравшие его в детской игре своим Иваном-Царевичем Алеша — символиче-

---

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»

¹ *Хондзинский П свящ* Догмат любви // Архиепископ Антоний (Храповицкий) Избранные труды, письма, материалы М, 2007 С LXII

ский собирательный тип < > тип людей нового русского сознания, напороченный Достоевским и им порожденный И потому, если определять представителей того устроения, которое продиктовало эти строки, то назвать бы — „алешинцами“¹»²

Извечный оппонент Достоевского, Константин Леонтьев, именно в 1880-е гг получивший малую толику признания и обретший несколько преданных учеников — московских студентов, писал одному из них, юристу Николаю Алексеевичу Уманову « идеи, вкусы, веяния и молодые люди 80-х годов *несравненно лучше* людей 40-х Несравненно! < > Вы живете в хорошее время Прочно ли это движение в „новойшей“ России — не знаю, — но что оно прекрасно — это верно — Никогда еще образованные люди в России не стремились так к Церкви, как теперь!»³

Теперь пора объяснить, причем же здесь «православные немцы» Само это словосочетание отсылает к одному из вариантов названия известной книги К Н Леонтьева, биографии оптинского иеромонаха Климента (Зедергольма) — «Православный немец» Нередки случаи, когда именно *православные немцы* становятся самыми твердыми исповедниками православия и «руссизма»⁴ Климент (Зедергольм), духовный друг и «катехизатор» Леонтьева, был из таковых

У Леонтьева можно встретить рассуждения о пользе для России иметь побольше *православных*, нежели *обруселых*, немцев, поляков и евреев⁵ Немцев он считал даже «физиологически» стоящими выше

---

² Иванов Вяч Собр соч Брюссель, 1979 Т 3 С 346

³ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 43, л 18 об (письмо от 22 сентября 1889 г)

⁴ Ср с размышлением В В Розанова в статье «Возле „русской идеи“» (1911) «На Русь пришли лютеране Даль, Гильфердинг, Саблер < > И поразительно, что все они не только не потеряли „свое немецкое“, придя на Русь, с какою потерей, естественно, *потускнели бы* < > они *расцвели*, стали ярче, сохранив всю деловитость и упорядоченность форм (немецкое «тело»), но пропитав все это „женственной душой“ Востока В конце концов оставили и свою религию, приняв нашу восточную, — без стеснения, без понуждения, даже без приманки, сами» (Розанов В В Соч М, 1990 С 333) Леонтьев в неоконченной статье «Культурный идеал и племенная политика» (1890) вспоминал суждение на ту же тему И С Аксакова «Аксаков < > старался напомнить о том, что русский народ таких православных немцев, как Розены < > считает своими, а русских католиков — подобных Гагарину и Мартынову — он никак своими не сочтет» (Леонтьев К Н Полн собр соч и писем В 12 т СПб, 2009 Т 8, кн 2 С 37)

⁵ См черновой набросок к статье «Культурный идеал и племенная политика» (Там же С 236) В той же статье Леонтьев предлагал читателю вообразить «две полуфантастические картины из русской жизни» «В России религиозное движение все усиливается, и в умах, и в политике, — вследствие этого в среде русских граждан является очень много православ(ных) *немцев*, православных татар, православ(ных) поляков, искренно православных евреев — Или религиозное движение слабеет, а *племенные* стремления усиливаются, — под дав-

славян, но при этом отмечал, что тесное соприкосновение с протестантами послужило «разжижению» православия в России.⁶

Интересен бытовой пример. Восхищаясь точностью и памятью в попечении о ближних своего друга-благодетеля Т. И. Филиппова, Леонтьев писал ему 27 ноября 1887 г.: «Вы (<.. > все помните. (Не была ли Ваша матушка *немка*? У Вас уж слишком все твердо,⁷ ясно и основательно для чистого великоросса. Вы не поверите, до чего мне надоели эти „русские“ характеры — это ужасно!) Россию, я думаю, еще спасает то, что у царской фамилии много немецкой, а в дворянстве татарской крови».⁸

Матушка Филиппова немкой не была, а «православного немца» Леонтьеву, всю жизнь тосковавшему по рано умершему Клименту (и позднее принявшему в монашеском постриге — в память его — имя св. Климента Римского), в конце жизни довелось обрести в Иосифе Ивановиче Фуделе (1864/1865—1918), будущем протоиерее. И здесь именно немецкое происхождение, несомненно, сыграло самую большую роль.

Через год от начала эпистолярного знакомства с Фуделем, поздравляя Филиппова с Пасхой, 7 апреля 1889 г. Леонтьев напишет о своем молодом друге: «Фамилия его *Фудель*; замечательно *надежный*, твердый человек, холодный и высоко-честный идеалист, германский дух на православной почве».⁹ В том же году в письме к К. А. Губастову от 17 августа Леонтьев даст другую «формулу», представляя Фуделя: «Православный немецкой крови — Фудель*...».¹⁰

Сравните с ранним высказыванием Фуделя о себе. «...твердости духа, благодаря Господу, у меня много; а раз я во что верю, то верю крепко и не стыжусь».¹¹ Вот эту твердость духа — в сочетании с русской и польской «пламенностью» — Леонтьев и считал немецкой чертой. «Да здравствуют Православные немцы!» — в восторге от

лением обстоятельств умножается у нас число *инородцев*, по-русски знающих прекрасно, России преданных, к нашим *общеевропейским* (будто бы русским) учреждениям привычных, везде такие русские *протестанты*, русские *израильтяне*, русские *католики*, русские *мусульмане*? — Я думаю, разница будет большая?» (Там же С 29)

* «Юрист Моск(овского) Ун(иверситета), напечатавший уже очень хорошую брошюру о русской молодежи»

⁶ См Там же С 470—471

⁷ К мотиву *твердости* в воспоминаниях о Тургеневе Леонтьев писал о любезных его сердцу «германских характерах» «тихие, твердые и спокойные в своей здоровой честности» (*Леонтьев К Н* Полн собр соч и писем Т 6, кн 1 С 50)

⁸ РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1025, л 28

⁹ Там же, л 54

¹⁰ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 28, л 195 об Эту формулу он повторит и в письме к В В Розанову от 8 мая 1891 г

¹¹ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 54, л 7 (письмо к Леонтьеву от 22 июня 1889 г)

эпистолярной «аккуратности» о. Иосифа восклицал Леонтьев,¹² и, конечно же, это относилось не только к течению переписки.

Однако не все разделяли такое отношение к «православным немцам», и Фуделю, искавшему священства, пришлось столкнуться с проявлением неприкрытого национализма на самом высшем уровне церковной иерархии. Вот как он описывал свою встречу с митрополитом Московским Иоанникием (Рудневым), к которому пошел, получив благословение старца Амвросия Оптинского, чтобы «просить у него совета, руководства и помощи»: «Услышав мою фамилию, владыка сильно поморщился, немножко отвернулся в сторону и затем резко закончил наш краткий разговор (. . .). Выражение владыки в то время, когда он услышал мою несчастную фантастическую фамилию, заставило горько сжаться мое сердце, и уж одно это не позволит мне более ни в каком случае обратиться за помощью к этому же Митрополиту».¹³

Заветные планы вскоре исполнились благодаря помощи Леонтьева, познакомившего Фуделя с Филипповым, К. П. Победоносцевым и, наконец, с архиереем, которому «фантастическая фамилия» не помешала рассмотреть в ставленнике полезного для Церкви человека, — с архиепископом Виленским и Литовским Алексием (Лавровым-Платоновым).¹⁴ 9 июля 1889 г. в Вильно Иосиф Иванович был рукоположен им во диакона, 16-го — во священника. Вскоре молодой священник был направлен в Белосток.

В кругу Достоевистов имя протоиерея Иосифа Фуделя не нуждается в специальном представлении, потому что сразу напоминает о его сыне, духовном писателе, авторе книги «Наследство Достоевского», Сергее Иосифовиче Фуделе. Но если о Фуделе-сыне известно, особенно после выхода собрания его сочинений,¹⁵ достаточно много, то Фудель-отец вспоминается лишь «по поводу»: либо в связи с Сергеем Иосифовичем, либо как издатель первого собрания сочинений Леонтьева¹⁶ и автор нескольких статей и неизданных воспоминаний о нем.

Биографических данных об о. Иосифе на настоящий момент ничтожно мало. В кратких биографических справках, воспроизво-

---

¹² Там же, ед хр 100, л <56 а> (открытка от 22 октября 1889 г) Леонтьев вновь и вновь обыгрывал это выражение Ср с началом письма от 10 июля 1891 г «А знаете ли, милый мой „Православный немец“ » (Там же, ф 2980, оп 1, ед хр 1027, л 51) А далее, в том же письме, он, что логично, называет молодого священника и «византийцем» (Там же, л 52)

¹³ Там же, ед хр 1037, л 8 об —9 (из письма к Леонтьеву от 15 апреля 1889 г)

¹⁴ Подробнее см Письмо К Н Леонтьева архиепископу Виленскому и Литовскому Алексию (Лаврову-Платонову) / Публ З Н Ивановой, Вступ статья, коммент О Л Фетисенко // Русская литература 2002 № 4 С 157—166

¹⁵ *Фудель С И* Собр соч В 3 т М, 2001—2005

¹⁶ *Леонтьев К Н* Собр соч <В 9 т> М, 1912—1914

димых в ряде Интернет-энциклопедий, мы найдем нехитрую фигуру умолчания даже о месте его рождения «родился в 1864 г, священник в Москве» При беглом чтении получается почти «родился в Москве» Меж тем это не так Родился он в Коломне Да и год рождения должен быть уточнен Фудель появился на свет в день Рождества Христова (а Иосифом назван во имя св Иосифа Обручника), следовательно, по новому стилю его день рождения приходится уже на январь 1865 г

Основным источником для составления биографических справок служили воспоминания С Фуделя А из них не узнаешь даже имен родителей о Иосифа¹⁷ Комментарии к сочинениям С Фуделя тоже не сообщают в этом отношении ничего нового, лишь на вклейке в первом томе есть семейная фотография, из подписи к которой выясняется полное имя отца (Иван Дмитриевич Фудель) и имя и девичья фамилия матери (Мария Червинская)

Фудель-сын был иногда неточен в некоторых деталях например, в указании места службы отца перед его уходом на священническое служение (в его воспоминаниях назван Окружной суд,¹⁸ а в письмах о Иосифа — канцелярия губернского правления¹⁹), полагаться целиком на его воспоминания неосторожно Надежнее для реконструкции «годов учения» нашего «православного немца» опираться на его собственные автобиографические отступления в письмах к Леонтьеву и посвященные Фуделю фрагменты в адресованных Леонтьеву письмах Н Уманова, который и познакомил Фуделя со своим старшим другом Фрагменты, имеющие автобиографическую основу, можно встретить и в публицистических сочинениях Фуделя Вот, например, отрывок на педагогическую тему в одной из первых его статей

«В современной семье „либеральные“ родители воспитывают нас по последнему образцу немецкого учебника, и в раннем детстве мы привыкаем легкомысленно относиться к вере и народности

---

¹⁷ «Отец родился в 1864 году в семье делопроизводителя по хозяйственной части Владимирского драгунского полка и матери-польки» (*Фудель С И Собр соч В 3 т М, 2001 Т 1 С 22*) Далее С И Фудель цитирует «Хронику моей жизни» архиепископа Саввы (Тихомирова), из которой выясняется, что Фудель — «внук немца заграничного, женившегося на русской, и сын отца, православного по матери, но плохо говорившего по-русски» Следовательно, сам о Иосиф — немец лишь на четверть

¹⁸ Источником послужили мемуары архиепископа Саввы, на которые ссылается С И Фудель

¹⁹ Ср в письме от 17 сентября 1889 г « а иной раз случается, когда посмотрю я в церкви на себя в епитрахили и фелони, — и вспомню, что только три четыре месяца назад я в безобразном вицмундире писал в губернском правлении „резюлюции“ — то думается — уж не сон ли это?» (РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1037, л 28) К одному из судебных участков Фудель был лишь прикомандирован в 1888 г

и смотреть на церковь как на нечто от нас обособленное, чужое нам *по духу*. На школьной скамье нам ничего не дают наши воспитатели. Их дело приготовить не граждан с известным мировоззрением и направлением, не детей своей родины и *живых* членов православной церкви, а нечто бездушное, формальное, напичканное разной учебной начинкой и годное только быть частицей какого-нибудь механизма, требующего не личность человека, а свидетельство о прохождении курса наук...».²⁰

О некотором «либерализме» и удаленности от Церкви отца семейства, И. Д. Фуделя, может свидетельствовать то, что для него было еще труднее примириться с жизненным выбором сына, пожелавшего стать православным священником, чем для матери-католички с ее «римским фанатизмом».²¹

Из письма Фуделя к Леонтьеву от 25 апреля 1890 г. узнаем, что в последние школьные годы он жил вне дома:

«С пятнадцатилетнего возраста я воспитывался вне родительского дома, среди тяжелой обстановки провинциального закрытого заведения. По своему характеру я не подходил к общему складу товарищеской кружковой жизни и за это терпел множество неприятностей и преследований; это заставило меня замкнуться в самого себя; мальчик я был в высшей степени впечатлительный, нервный, сознание мое проснулось и стало работать в высшей степени рано; когда товарищи мои думали только о том, как бы покурить незаметно от начальства, я уже умел критически относиться ко всему и писал длиннейшую статью о женском вопросе. <.. > я привык постепенно и думать, и чувствовать *одиноко*, а так как некому было поверять мои мысли и чувства, то я все это записывал в особых тетрадах. <... > Каждое мое ощущение выливалось на бумагу, и выливалось очень страстно. Образов свежих, ясных никогда никаких в моей душе не было. Были одни только внутренние ощущения и болезненные идеи. В это-то время я зачитывался Генрихом Гейне, Гоголем и Некрасовым. Эти три писателя положили (к несчастью) на меня неизгладимую печать. Одоевский в то время промелькнул только мимо меня, но промелькнул тоже не бесследно. Положительных поэтов я не знал вовсе».²²

---

²⁰ *Студент-юрист [Фудель И И]* К вопросу о молодежи и славянофильстве (Третье письмо из университета) // Русское дело 1886 № 13 19 июля С 5

²¹ Выражение из письма Леонтьева к Фуделю от 9 марта 1889 г (РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 100, л 31 об)

²² Там же, ф 2980, оп 1, ед хр 1038, л 10 об —11 об В Ф Одоевский упомянут потому, что его имя прозвучало в письме Леонтьева от 15 марта 1890 г, в котором он, разбирая юношеское фуделево стихотворение в прозе «Флейта», заметил «Но и здесь тоже, — что-то *знакомое* (Одоевский будто бы? Некрасов ли? — Или Достоевский? Скорее Одоевский), — знакомое, напыщенное и холодное, потому что *не свое*» (Там же, ф 290, оп 1, ед хр 100, л 78)

В позднейших воспоминаниях Фудель назвал фамилию педагога, обратившего внимание на литературный дар своего ученика: «Писать я начал с 6-го класса Гимназии. А учитель русской литературы Н. А. Вербицкий, сам печатавший свои охотничьи рассказы, своими неумеренными похвалами только разжег во мне эту страсть».²³ Это упоминание помогло установить, в каком же именно из «провинциальных закрытых заведений» Фудель учился, — в Рязанской гимназии. Н. А. Вербицкий-Антиохов (1843—1909) преподавал здесь в 1875—1886 гг. Педагог этот славился революционными настроениями: в 1861 г. был выслан из Петербурга за участие в студенческих волнениях, а потом воспитал «многих молодых людей, привлекавшихся к дознанию о противоправительств(енной) пропаганде» и «руководил тайными сходами».²⁴

В первом же письме к Леонтьеву от 2 апреля 1888 г. Фудель поведал предысторию своего «обращения»: «...Вообще я *молодой Православный*, ибо обратился к Православию тоже не более 4 лет тому назад. С 16 лет я постепенно втягивался в омут нигилистического отрицания. В 8-м классе Гимназии я писал самые горячие социалистические измышления, а кульминационным пунктом моих заблуждений был первый год Университетской жизни, когда я слушал лекции по Естествознанию. Затем я перешел на юридический факультет и тут уже на первом курсе совершился со мною переворот, определивший мой дальнейший путь. Каковы причины, перевернувшие весь склад моей мысли, — одному Господу известно. (Внешнего толчка не было никакого)».²⁵

В своем «нигилизме» Фудель был, как истинный представитель «германского духа», весьма последовательным. Когда позднее он обличал духовные изъяны современной молодежи, он обличал *себя*. «...Верхоглядство порождает собою крайнюю предвзятость мнений (...). И нигде, кажется, так не господствуют эти предвзятые мнения, раз пущенные в ход, сотни раз повторяемые, донельзя испошленные, как у нас, в нашем „либеральном“ на фразы и слова обществе. И, Боже упаси, чтобы когда-нибудь проверить раз пущенное в ход мнение!.. (...) „Помилуйте, изучать взгляды наших противников?.. Да были ли у нас противники? Могли ли они быть, да и кто такие те, которые *осмеливаются* говорить против последнего слова науки, против неопровержимой правды?.. Обскуранты, невежды, гнилая капуста, постное масло“... Так мыслили и говорили мы недавно, так мыслит и говорит и теперь еще отсталая масса. — Мы не могли и вообразить даже, что та правда, которой, казалось, мы обладали, могла быть и неправдой,

²³ Там же, ф 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 5

²⁴ Русские писатели, 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 420

²⁵ РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 54, л. 1 об. — 2

не могли вообразить, что люди, отрицающие эту „нашу правду“, могут привести хоть *что-нибудь* в доказательство своего отрицания. Немудрено, что мы сознательно затыкали себе уши при возможности услышать эти доказательства и, раз составив себе предвзятое мнение, уже и не интересовались проверить его. (. .) Впрочем, я выражаюсь неверно — не мнения у нас составлялись по тем вопросам, которые шли вразрез с нашими увлечениями и поклонениями, а одни только представления чего-либо реального; ибо для образования суждения необходима наличность ясного понятия о предмете, между тем как этого-то у нас нехватало; например, с возникновением идеи славянофильства сейчас же возникало в юной голове ощущение или представление гнилой капусты, редьки с квасом, постного масла и только — и более ничего. Я не шучу И юная голова мыслила не понятиями, а навеянными ощущениями, и довольствовалась этим, не имея никакого желания перейти от такого детского мышления к более зрелому. (. .) (Я говорю — мы, не отделяя себя от массы, ибо сам пережил тот же период поклонения Западным кумирам и презрения к «гнилой капусте»)).²⁶

В истории «обращения», по признанию Фуделя, большую роль сыграла встреча «с одним простым человеком (не ученым, но истинно Православным), который и помог» ему «твердо стать на почве церковной».²⁷ Из письма от 18 августа 1888 г. выясняется, что этим «простым человеком» была невеста (а ко времени написания письма — жена) Евгения Сергеевна.²⁸ «... Она — тот самый человек, который 3 года тому назад оказал на меня самое отрезвляющее действие, вразумил меня и толкнул на ту дорогу, по которой иду и теперь (...). Жена моя не образованна особенно, проста, неприятельна, глубоко религиозна. (. .) Вообще, в нашей семье она представляет более консервативный элемент, а я более либеральный: из столкновения мнений получается истина».²⁹

В 1885 г Фудель уже «зачитывается» «Русью» И. С. Аксакова и ежедневно заглядывает в окна его квартиры на Волхонке, проходя с Остоженки «то в Университет, то в Публичную библиотеку». В сентябре, «крадучись, точно вор», он приходит к заветному дому, чтобы оставить в почтовом ящике пакет, в котором лежали «два публицистических опыта» и письмо.³⁰ Аксаков 8 сентября отвечает очень

---

²⁶ NN [Фудель И И] Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли М, 1888 С 149—151

²⁷ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 54, л 2

²⁸ Е С Емельянова (1865—1927), дочь московского частного поверенного по делам, в семье Леонтьева ее называли «куколкой»

²⁹ Там же Л 12

³⁰ РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1051, л 5—5 об Сохранилось и еще одно письмо Фуделя к Аксакову, оформленное, скорее, как письмо в редакцию (с расчетом на публикацию), посвященное «славянской идее» (ОР РНБ, ф 14, ед хр 376)

любезно,³¹ признавая дарование юноши, но советуя ему не спешить «пускаться в публицистику». Фудель приглашен на беседу в редакционную контору «Руси», но состоялась эта окрылившая молодого человека встреча не в редакции, а в доме Аксакова. Она оказалась единственной. 26 января 1886 г. Аксаков скончался. А Фудель, вопреки его совету, все же бросился в газетную работу

Поводом для знакомства с Леонтьевым была вышедшая в конце декабря 1887 г (но помеченная уже следующим годом) первая книжка Фуделя (изданная «на последние гроши»³²) — «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли», вошедшая в себя заветные идеи, выраженные еще в статьях 1886—начала 1887 г. («Письма из университета» и др.), помещенных в газете С. Ф. Шарапова «Русское дело», где Фудель стал основным сотрудником и писал «решительно все: политическую хронику, славянское обозрение и даже статьи по внутренней политике». Излюбленной же его темой «была молодежь, настроения современного студенчества».³³ «„Интеллигента“ надо сперва выучить верить в Бога, а *потом* уже доказать ему, что *вера* (истинная) предполагает необходимое подчинение Церкви (...). Брошюрка моя предназначена для *таких* (даже неверующих ни во что) интеллигентов (...) цель моя была возвратить молодежь с ее ложной дороги и возбудить во всех колеблющихся сотоварищах сомнение в истинности старой дороги»³⁴ В конце жизни Фудель так вспоминал о своей работе «В первой половине книжки я дал ряд очерков положения и настроений современной молодежи, нисколько не скрывая всех ее дурных сторон наряду с хорошими; вторая же половина была посвящена указанию путей развития и работы молодежи. Здесь я подвергал жестокому осуждению рабелепствующую перед Западом обществ(енную) мысль, восхвалял славянофильство, раскритиковал модное тогда с легкой руки Гл Успенского народничество и призывал молодежь к „православному народничеству“ (т. е. служению народу на единой с ним почве религиозных верований, на единстве идеалов)».³⁵

Книга была подписана криптонимом «NN». «Фамилию проставить еще боялся, — признавался Фудель. — Кроме литературной скромности тут была и основательная боязнь и товарищей, и профес-

³¹ Письмо И. С. Аксакова см. РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 5 об.—6

³² Там же, л. 7 об.

³³ Там же, л. 7.

³⁴ Там же, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 54, л. 6 об.—7 (из письма к Леонтьеву от 22 июня 1888 г.) В этом же письме есть любопытный фрагмент о реакции Л. Н. Толстого на фуделевскую брошюру «Слышал я от Уманова, что Лев Толстой, прочитав мою брошюру, страшно разозлился на меня и взволновался — Это интересная весть. Встревожить его Олимпийское Величество — большая честь для маленького человека» (Там же, л. 8 об.)

³⁵ Там же, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1051, л. 7 об.

суры; я был на 4-м курсе и рисковал очень многим. В книжке слишком многое было не по вкусу тогдашней молодежи и ее руководителей»³⁶ Тем не менее, вопреки опасениям, книга «имела громадный успех»: «Недели через две после ее выхода начались в Университете студенческие беспорядки (...) книжка с заманчивым заглавием вышла вовремя и ее раскупили почти всю в 3 месяца».³⁷

В начале «Писем...» характеризовались основные пороки учащейся молодежи — «полуобразованность», «*крайнее верхушество*» и вытекающая из него «предвзятость мнений», «прямолинейность», «абстрактность мышления», его отвлеченность; «стадность», нетерпимость. Но здесь же говорилось и о положительных чертах — восприимчивости, «отзывчивости» (возможно, это слово было навеяно Достоевским), а главное — об искренности молодежи и ее любви «к внутренней правде». Далее Фудель рассуждал о трех группах современной молодежи, включая в первую группу приверженцев народничества и последователей славянофильства, во вторую — «либералов умеренного оттенка», и в третью — людей без всяких идеалов, кроме служения своему грубому эгоизму. В одной из центральных глав («Признаки времени») доказывалось, что все ведущие представители современной русской мысли (Фудель намеренно избегает здесь использования цитат из работ славянофилов и консервативных мыслителей, выбирая имена, более знакомые и авторитетные для университетской молодежи³⁸) приходят к мысли о кризисе рационализма и западной культуры. Современная мысль, таким образом, переживает «спасительный поворот *от Запада к Востоку*». «В этом заключается глубокий смысл кризиса, через который проходит современное русское общество».³⁹

Достоевский в этой книге вспоминался и цитировался неоднократно (преимущественно это цитаты из «Дневника писателя»); одним из ключевых понятий стало здесь понятие «почвы». А иногда и сам стиль Фуделя отзывался Достоевским. Вот лишь один пример. «Да, еще сильна и счастлива та молодежь, которая умела сохранить в своей душе глубокую любовь к искренности и гордое презрение к лицемерию; за эту черту простятся ей многие ее ложные шаги и на этой черте еще можно много надежд основать!».⁴⁰

Совершенно в духе Достоевского молодой автор доказывал, что, прежде чем «служить народу», нужно узнать дух народный, до-

---

³⁶ Там же

³⁷ Там же, л 8

³⁸ Названные им «три столпа современной мысли» — К Д Кавелин, Г И Успенский и Л Н Толстой («либерал-западник», «народник» и мыслитель, представляющий сам по себе целое направление)

³⁹ NN [Фудель И И] Письма о современной молодежи С 93

⁴⁰ Там же С 11

стичь единства духовной жизни — т е быть православным, затем — глубоко постичь народную историю (включая словесность, археологию, язык и т д) ⁴¹ « Пока народники останутся тем, что они теперь есть, — до тех пор душа народная будет для них потемками Народники отрицают за Православием его истинное значение для русского народа, они не верят, что *Православие есть дух народа*, творческая сила его, жизнь его А не верят в это потому, что „ровно ничего не понимают в Православии, а потому ровно ничего не поймут никогда и в народе нашем“ ( ) *Единство мировоззрения* — вот условие, без которого немислимо существование истинно народнического знамени А теперь пока лже-народники ходят вокруг да около Теперь они ищут душу народную ( ) и, конечно, находят не там, где следует» ⁴²

Достоевский рассматривается Фуделем в одном ряду с И В Киреевским, К С Аксаковым⁴³ и А С Хомяковым Современные последователи славянофилов, по Фуделю, — «православные народники» (подлинные «народники» в отличие от называющих себя этим именем, а на деле, как видно из приведенной выше цитаты, с точки зрения автора, являющихся самозванцами, «лженародниками») В главе, которая так и названа — «Православные народники», — Фудель предлагает целую программу действий «обновить характер нашего мышления» и «нашего образования», а главное — «обновить начало нашей жизни», «обновить наши потребности и стремления» Обновление «начала жизни» он понимает как освобождение от гордости, самолюбия, окрашивающих собой «языческое начало личности» ⁴⁴ «Надо вступить на тот путь самоопределения, которым шел Достоевский, который отрекся от этого языческого начала, и тогда только нам будет возможно уразуметь общинное мировоззрение народа Поэтому-то и ценны слова этого незабвенного учителя

„Смирись, гордый человек, смирись“, ибо только в этом начале смирения лежит разгадка народного строя жизни — „Смирись, гордый человек“, должен повторять себе каждый интеллигент наш, „смирись — в этом твое главное обновление“ и к этому обновлению, верим мы, — способна более всего молодежь» ⁴⁵

---

⁴¹ См Там же С 111—116

⁴² Там же С 114—115

⁴³ Приведем посвященные ему проникновенные строки «Посмотрите хоть на Константина Аксакова — этого первообраза русского народа, воплотившего в себе его духовный лик Надо иметь такую же, как у него, чистую, светлую натуру, такой же идеально-чистый возвышенный характер, надо, читатель быть таким же девственником душой каким он был, для того, чтобы уразуметь народную душу и почувствовать всю глубину идеалов русского народа» (Там же С 118)

⁴⁴ Там же С 154—156

⁴⁵ Там же С 155—156

Совершенно в стилистике Пушкинской речи Фудель возглашает. «прежде омойся, очистишь от всякой скверны, грязный человек, и тогда только иди к чистым и здоровым, дабы не заразить их...».⁴⁶

Фудель не призывает к опрощению, проявляющемуся в форме отказа от лучшего, что есть в светской культуре. В деревню должны прийти просвещенные, но «родные» для народа люди. А пока их нет — «победоносное шествие по деревням» совершает «трактирная цивилизация» (ненавидимая и Достоевским), «со всей ее подлостью и мерзостью», а та часть крестьянства, которая ищет другой путь, готова бежать «*хоть за каким-нибудь указателем*, явится ли он в виде немецкого пастора или отставного солдата, умеющего толковать Библию, — это все равно, лишь бы был толкователь жизни, т. е. указатель пути».⁴⁷ «Просвещенный православный человек» должен принести народу прежде всего именно новое «толкование жизни» — вот мысль Фуделя. Цель истинного народничества он видит как «пастырство или развитие сознательной деятельности в каждом члене общины — *развитие религиозного сознания в каждой личности в отдельности*».⁴⁸

Итак, дальнейший шаг на пути «православного народничества», показывает автор «Писем...», а, точнее, конечная цель его — христианское развитие личности, которого так недостает русскому народу, что, по цитируемым Фуделем словам Хомякова, он может идти в рай «только деревнями, т. е. сельскими общинами, но не порознь каждый!»⁴⁹

4 декабря 1887 г. Уманов послал книжку Фуделя Леонтьеву, сопроводив ее следующей характеристикой: «Прилагаю Вам при сем маленькую книжечку, написанную моим товарищем студентом и с недавнего времени моим другом. Это сушая правда про Университет. Интересно было бы знать Ваше о ней мнение».⁵⁰ Ответ на это письмо, по-видимому, не сохранился. 23 декабря 1887 г. Уманов продолжает разговор о Фуделе «Если Вы прочитали ту брошюрку, которую я Вам послал, Вы знаете, что такое студенты. Это просто стадо баранов. Брошюра эта написана правдиво, но только тот оптимизм, которым она проникнута, ни на чем ровно не основан».⁵¹ «Тот самый Студент,

---

⁴⁶ Там же С 160 Автор прибегает здесь к языку молитв «очисти, и омой, и украси мя » (благодарственная по святом причащении, св Симеона Метафраста), «очисти мя от всякия скверны плоти и духа» (ко святому причащению, св Василия Великого)

⁴⁷ Там же С 171

⁴⁸ Там же С 173

⁴⁹ Там же С 174 Слова эти, которые «Хомяков говаривал, шутя», приводятся по письму И С Аксакова к И Ф Романову-Рпы, напечатанному в газете «Русское дело» (1886 № 6)

⁵⁰ ОР ГЛМ, ф 196, оп 1, ед хр 267, л 34 об

⁵¹ Там же, л 37—37 об

который написал „письма о Молодежи“, начал писать статью о Вас и о Данилевском ⁵² ( ) Мне бы хотелось прибавить еще Страхова — Не знаю, стоворимся ли мы с ним — Если да, то тогда статья выйдет коллективная — Он будет писать о Вас и о Данилевском, а я о Стракове ( ) Впрочем, еще об этом долго можно думать. Нужно нам сначала спеться хорошенько, а то еще во многом не сходимся. Он чистейший Аксаковец» ⁵³

К сожалению, ответ на это письмо также не сохранился, между тем в нем был большой фрагмент, передающий впечатления Леонтьева от чтения книги Фуделя 17 февраля 1888 г, отвечая, по-видимому, на просьбу Леонтьева сообщить какие-нибудь подробности об авторе, Уманов писал «Теперь о таинственном юноше. Зовут его по имени Осипом, по изотчеству Ивановичем, а фамилия (не испугайтесь!) Фудель — Родом он из Коломны, отец его служит во Владимирском полку, уроженец Белоруссии, православный — Молится в нашей Церкви, очень прямой и впечатлительный, болезненный юноша (Называю его так потому, что он моложе меня на полгода) — Я прочитал ему все, что Вы о нем писали мне, он был очень доволен, что Вы посвятили ему целых четыре страницы в своем письме, и списал даже все под мою диктовку — Он просит у Вас позволения написать Вам, мне не доверяет — Я ему говорил, что можно писать без позволения» ⁵⁴

На это письмо Леонтьев отвечал открыткой 4 марта

«Г-ну Ф   передайте, что и его письмо доставит мне *большое* удовольствие — Брошюрка его *сначала* не в моем вкусе, но с половины она превосходна (впрочем — в смысле *приготовительного* лишь *млека**!)» ⁵⁵

Фуделя Леонтьев вспоминает и в большом («богословском») письме Уманову, написанном в конце марта 1888 г «Мы все нынче ищем сразу сильного чувства, трогательного ощущения, *искренности* и т. д. (Фуделев в своей брошюре с особым удовольствием свидетельствует об этой искренности**) — Это большая ошибка» «Пусть-ка *дворяне* и вообще люди *молодые* прежде вот на этом поприще испытают себя — на поприще Христианского *само-спасения*, *само-исправления*, *само-подчинения* даже и плохому духовенству — А потом уж *народ* *учить*   *Благородны* мысли *Фуделя*, напр(имер),

---

⁵² Речь идет о Н. Я. Данилевском. Между прочим, его книгу «Россия и Европа» Фудель рекомендовал своим молодым современникам (см. *NN* [Фудель И И] Письма о современной молодежи С 136)

* «Увидит сам, что я прав!»

** «Но дело не в *самой* искренности, а в *ее направлении* — И Желябов был, вероятно, искренний в *своей вере* человек, коли на виселицу пошел»

⁵³ ОР ГЛМ, ф 196, оп 1, ед хр 267, л 40 об — 41

⁵⁴ Там же, л 50—50 об

⁵⁵ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 43, л 7 об

и книжка его очень *симпатична* — Но — содержит ли он сам по-сты? — *Слушается ли Церкви?* — *Если нет* и если при этом он *покоен совестью*, — то Боже избави нас от таких народных учителей! Пусть лучше народ — грамоте не знает вовсе, чем *видеть* такие *примеры* в учителе — А притворяться только для народа — куда ж тогда мы денем ту искренность, которой *они* (юноши) так гордятся?»⁵⁶ И далее «А Фуделев верно рассердился на мой „формализм“, что не хочет войти со мной в „общение“ — Напрасно, — мне его брошюрка нравится как *молодой зеленый березник, строиться из него еще нельзя*, а для хорошей метлы *сметать нигилизм очень годится* — *Сшт сице*⁵⁷ — Пойдет прямо — и на постройку будет хорош»⁵⁸

После этого Фудель все-таки решает написать Леонтьеву 2 апреля «Приношу Вам свою искреннюю и глубокую благодарность за то внимание, которое уделили Вы моей брошюре («Письма о современной молодежи»), а еще более за позволение заочно побеседовать с Вами»⁵⁹ В этом письме Фудель так отвечал на замечания Леонтьева «встряхнувшись от лжи, *я не сразу*, конечно, пришел к Истине (да не знаю, пришел ли к ней и сейчас), т е став на путь Православия, *я прежде всего*, конечно, воспринял самую удобопонятную форму его Прежде всего нас всех привлекает *мораль* Христианства, а до мистики дойти трудно Вот тогда-то я действительно был на пути Достоевского и смотрел на формализм религии немного свысока Но, благодаря Господу, встретился с одним простым человеком (не ученым, но истинно Православным), который и помог мне твердо стать на почве церковной Тем не менее и до сих пор я плохой сын Церкви, потому что каждый христианин с моим умственным развитием *должен* очень много знать, вообще *сознательно* жить в Церкви (т е перечитать все творения св(ятых) отцов, знать Церковную Историю и т д) Этого-то у меня и нет, но я льщу себя надеждой заняться *как следует* своим церковным воспитанием тотчас же по окончании Университета (и надеюсь, Вы не откажетесь руководить мною в этом)»⁶⁰

Начинается переписка, захватившая и быстро сблизившая обоих корреспондентов В конце апреля Леонтьев уже включает Фуделя в круг родственной ему по духу молодежи Ср в письме к Филиппову от 29 апреля 1888 г «он (Шарапов — *О Ф*) охотно дает в „Русском деле“ пристанище всей „моей“ молодежи — Александрову,⁶¹ Уманову и тому *Фуделю*, который издал этой зимой весьма талантлив-

⁵⁶ РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1021, л 1, 7

⁵⁷ Каждому свое (*лат*)

⁵⁸ Там же, л 8

⁵⁹ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 54, л 1

⁶⁰ Там же, л 2

⁶¹ Анатолий Александрович Александров (1861—1930) — поэт, филолог, впоследствии редактор журнала «Русское обозрение»

вую брошюрку о „Русской молодежи“ в духе Достоевского, а теперь вступил со мною в переписку и желает стать даже и *формально* Православным». ⁶²

В первых письмах, естественно, продолжались объяснения взаимных недоумений; Фудель, уже несколько отстраняясь от своей юношеской позиции, но не сдавая ее, писал 22 июня 1888 г. «Я, пожалуй, согласен, что я стою под знаменем Аксакова — но и это только *по общественным и политическим* вопросам; в *этом* отношении я его вернейший ученик и последователь. Но по вопросам религиозным я вообще ни под чьим знаменем не стою, ибо здесь возможны лишь *своя вера* и собственные убеждения. Тем более не могу я быть под знаменем Достоевского, который по религиозным вопросам высказывал только самые *общие* (первичные) взгляды. А все-таки я Достоевского глубоко уважаю и люблю, несмотря на всю туманность его Православия. — Дело в том, что на меня этот писатель имел хоть очень краткое, но зато слишком глубокое влияние, которое дало очень плодотворные последствия. — Его речь на Пушкинском празднике, или, вернее сказать, одно место его речи, где он говорит не о всемирном счастье (это только эффектные *«слова»*), а о необходимости *смирения* русскому интеллигенту — это место речи (случайно прочитанной мною в 84-м году) было одним из стимулов к моему обновлению. За это я теперь искренно благодарен Достоевскому. Надо сказать правду — этот писатель больше всех других выставлял на вид пороки русской интеллигенции и выставлял это так ярко и умно, и вовремя, что поневоле заставлял задумываться. А знаток русского общества он был такой, каких больше не было и нет. — Вот в чем и разгадка его сильного влияния на *молодые* умы; влияние это плодотворно, вот почему я и напирал в брошюре на Достоевского „*Смирение*“ — это начало той дороги, которая ведет к Богу и Церкви Правды, что Достоевский сам еще недалеко ушел по этой дороге, но уж в этом ему Господь — судья, а все-таки искренно ему благодарен за то, что он указал нам *начало* нашей дороги; теперь мы (молодежь) не собьемся и ничто не мешает нам идти все дальше и дальше» ⁶³

---

⁶² РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1025, л 41 А самому Фуделю он писал 22 апреля 1888 г «Ваше письмо ко мне и ваша брошюра — *большая* разница — В брошюре Вы являетесь одним из тех благородных русских мечтателей с христианским оттенком, которых не знаешь, к какому исповеданию отнести, — в письме — Вы истинно Православный человек и это „открытие“ причинило мне живейшую радость» (Там же, ф 290, оп 1, ед хр 100, л 2)

⁶³ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 54, л 7—7 об Это ответ на слова Леонтьева в письме от 22 апреля «Оказывается — я был прав и тогда, когда утверждал, что влияние Достоевского очень *полезно, для начала*, но что останавливаться (да еще с ранних лет) на том, на чем он состарился, — не следует. Необходимо, очутившись его горячим общехристианским чувством, замкнуть его в те готовые формы, к которым не напрасно же в былое, давнее время пришли не менее если не более его одушевленные Христиане первых веков» (Там же, ед хр 100, л 2)

Первая встреча молодого «аксаковца» с Леонтьевым произошла в августе 1888 г., когда Фудель с женой неделю гостил в Оптиной пустыни. Прочитав радостное письмо Фуделя об этой поездке, Уманов писал Леонтьеву 17 октября:

«Получил я письмо от Фуделя. С восторгом описывает мне свое путешествие в Оптину и монастырскую жизнь. Завидую ему, завидую с досадой, что не удалось самому побывать там.

Какое впечатление он произвел на Вас? Если хорошее, то я буду несказанно рад: я его очень люблю. Сердце у него доброе и ум интересный. (...) Правда, он немного буржуазен и либерален в Аксаковском и Самаринском роде. (Не знаю, посмел ли он Вам отысповедоваться; наверно робел и больше молчал, чем говорил.) Но все это должно пройти: за этот год и то много изменилось».⁶⁴

На это Леонтьев ответил 30 октября: «Фудель действительно на бумаге гораздо выше, чем в беседе; — но и в беседе умен. (...) Но у него то особенно хорошо, что дух русский, а кровь немецкая, солидная. — Пишет он смело, твердо, хорошо. — Либерализма остается в нем уже мало; а только та хорошая гуманность, с которой расставаться избави нас Боже!».⁶⁵

Из письма Уманова от 23 ноября мы узнаем интересную, поразившую, вероятно, Леонтьева подробность: «.. Фудель, Александров ходят в поддевах, я тоже устыдился и заказал себе».⁶⁶ Еще более важным было другое сообщение: «Фудель и Александров (...) замышляют издать сборник исключительно молодыми московскими силами. (...) Пока еще эта мысль не созрела и более мечта, чем проект. Но авось! Фудель — энергичен. На него положиться можно».⁶⁷

«Фудель действительно молодец, человек смелый, твердый и с ясным умом, — откликнулся Леонтьев на это в письме от 28 ноября. — Я недавно еще перечитал его книжку о молодежи. — Много там хорошего. — Надеяться только на „любовь“ в русской общине не надо; нужно проповедовать любовь, ибо ее очень мало; но не надо ее пророчить, — чтобы без пользы не разочароваться горько. — Это благородные бредни Аксакова, Достоевского, О. Миллера и т. д. Особенно этот „Мужик Марей“, помните. — Очень это мило; но и очень мало».⁶⁸

---

⁶⁴ ОР ГЛМ, ф 196, оп 1, ед хр 268, л 11 об — 12

⁶⁵ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 43, л 11 об — 12

⁶⁶ ОР ГЛМ, ф 196, оп 1, ед хр 268, л 15 об

⁶⁷ Там же, л 16 об

⁶⁸ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 43, л 15 об Уманов сначала с неодобрением отнесся к поразившему его факту — рукоположению Фуделя в священники. Но потом, примирившись с новым положением своего друга, 8 сентября 1889 г. писал Леонтьеву «С первой встречи я полюбил его, теперь же он стал мне еще дороже, но вместе с тем почувствовал всю разницу между собою и им ( ) Другого такого не встречал пока — Хотя и у нас в Пензе в мае месяце был рукоположен во священники бывший воспитанник Катковского лица, еще более

А через несколько дней, 2 декабря, Леонтьев с радостью восклицал, обращаясь к Фуделю «Вы молодец! И если много у нас будет таких юношей, как Вы, то у России есть будущность — Прав Уманов, возлагая на Вас большие надежды»⁶⁹

Несмотря на большую разницу в возрасте, Фуделя и Леонтьева связывали «единая мысль и единое стремление, одним словом, духовное родство»⁷⁰ Об этом родстве Леонтьев сообщал новообретенному молодому другу, В В Розанову В начале их эпистолярного диалога, в письме Леонтьева от 8 мая 1891 г, есть посвященный Фуделю фрагмент, связанный, что важно, с волнующей обоих корреспондентов темой Достоевского «Вы до того ясно меня (т е мои книги) понимаете, что я даже дивлюсь, вы *удовлетворяете* меня, как никто, пожалуй, из писавших мне письма или статьи и заметки обо мне — Разве только тот *Фудель*, которому посвящена моя брошюра о „Национальных объединениях“⁷¹ (Он *Священник*, — Правосл(авный) немецкой крови и тоже, переживши Достоевского, вступил 3 года тому назад со мной в переписку, потом приехал в Оптину, — обратился по моему совету к от(цу) Амвросию и стал просто Православным в деле личной веры (без ложных надежд на „гармонию“⁷²) и приверженцем моих взглядов в политике) — *Дай Бог, чтобы и с Вами то же случилось!*»⁷²

Леонтьеву хотелось поскорей познакомить Розанова с Фуделем 27 мая он сообщал о том, что в Оптиной собираются погостить Ю Н Говоруха-Отрок и о Иосиф, приглашал Розанова присоединиться к ним и горячо рекомендовал ему сблизиться с молодым священником

«Фудель человек замечательный, ему не более 26 лет, — он уже 3-й год *Священником* в Белостоке и теперь надеется быть переведен

молодой человек (21 года), очень богатый здешний помещик — Веригин — Теперь живет в своей деревне и священствует — Этому, положим, далеко до Фуделя» (ОР ГЛМ, ф 196, оп 1, ед хр 268, л 27—27 об) На это Леонтьев отвечал 22 сентября «Хорошо уважать и восхищаться Фуделем, но надо хоть немножко и *подражать* ему Дело прежде всего не в том, чтобы писать статьи в защиту Православия, а в том, чтобы *самому и для себя* — *верить* и иметь „страх Божий“ Одна середя, в которую человек с отвращением и даже с досадой от непривычки поест постное, одна всеношная, которую он с любовью отстоит, одна домашняя молитва „Господи — подкрепи меня, утешь меня, — прости мне!“ — стоят десяти *статей* — *для других* ( ) Фудель и даже Веригин гораздо для меня дороже всех сентиментальностей Достоевского, которому за них платили деньгами и славой!» (РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 43, л 19)

⁶⁹ РГАЛИ, ф 290, оп 1, ед хр 100, л (15 а)

⁷⁰ Выражение из письма о Иосифа от 23 ноября 1889 г (РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1037, л 36)

⁷¹ Речь идет о брошюре «Национальная политика как орудие всемирной революции» (М, 1889)

⁷² *Розанов В В* Собр соч / Под общей ред А Н Николюкина [Т 13] Литературные изгнанники М, 2001 С 330, уточнено по автографу РГАЛИ, ф 419, оп 1, ед хр 518, л 3

в Петерб(ург), — для слушания лекций Богословия — Он кончил курс юристом в Москве, под влиянием Ив С Аксакова и все *того же Достоевского* — напечатал очень хорошую («как *млеко* первоначальное») книжку „Письма о русской молодежи“ — против нигилизма и в духе того пламенного тумана, в который заводят оба вышеупомянутые знаменитые авторы — Потом — не хуже Вас, вступил со мной в переписку, *не долго думая* (он решителен и тверд, *немецкая кровь* по отцу, *польская* по матери! Увы!), приехал сюда, — поговорил с От(цом) Амвросием и со мной и благословился у От(ца) Амвросия пойти в Священники < > его рукоположили < > и туман „гармонии“ и т п, слава Богу, совсем прояснился < > Он понял очень быстро, что с одним *моральным идеализмом* („любовь“, „гармония“, „Он“ (Христос — только прощающий)) — далеко от современного смятения мыслей и чувств не уйдешь, — и нашел спокойствие духа *в том*, что я с *метафизической* точки зрения позволяю себе называть *материалистическим спиритуализмом* < > Это с метаф(изической) точки зрения, — а с лично психологической — Настоящ(ее) Христианство можно < > назвать *трансцендентным эгоизмом*, — влекущим, однако, за собой неизбежно и практический, земной *альтруизм* < > Рекомендую Вам Фуделя *с самой лучшей стороны* »⁷³

По версии С И Фуделя, его отец «многим был обязан Леонтьеву, любил его», но «никогда не был „леонтьевцем“»⁷⁴ Думается, что Сергей Иосифович (убежденный антилеонтьевец) приписывал отцу часть своих мыслей В пользу этого предположения говорит хотя бы фрагмент из неизданных воспоминаний о Иосифа о Леонтьеве в форме письма к С Н Дурылину в сентябре 1918 г, т е почти перед смертью⁷⁵ Вот что говорит он здесь о своих убеждениях накануне встречи с «оптинским отшельником» «Взгляды мои тогда были почти установившиеся, по крайней мере в основах, в политических и культурных вопросах я был безусловный последователь Хомякова и Аксаковых, в вопросах религиозных был уже православно-верующим (отчасти под влиянием тех же славянофилов), но с оттенком расплывчатой морали под влиянием Достоевского, просто еще не хватало знаний и религиозного опыта»⁷⁶

Это нисколько не расходится с совершенно «леонтьевской» оценкой позиции молодого Антония (Храповицкого) в письме о Иосифа к Леонтьеву от 16 мая 1890 г (с о Антонием Фудель познакомился лично в 1889 г и постоянно переписывался в те годы) «Не забывайте,

⁷³ Розанов В В Собр соч [Т 13] С 348—349, уточнено по автографу РГАЛИ, ф 419, оп 1, ед хр 518, л 16—16 об

⁷⁴ См Фудель С И Собр соч Т 1 С 41

⁷⁵ О Иосиф скончался 2 (15) октября 1918 г от «испанки»

⁷⁶ РГАЛИ, ф 2980, оп 1, ед хр 1051, л 7 об—8

что ему всего только 27 лет и в политическом мировоззрении он еще не может перешагнуть через Достоевского и Славянофилов. Оттого он туманен...».⁷⁷

Сам «православный немец» ничуть не туманен. «Политическое мировоззрение» его сформировано в духе посвященных ему леонтьевских писем о «национальной политике». Последователем своего старшего друга Фудель оставался и в других вопросах: в его статьях мы увидим и призывы к церковной дисциплине (напоминание об исчезнувшем за пределами монастырей институте епитимии),⁷⁸ и невозможное под пером славянофила признание полезности такой меры, как введение института земских начальников,⁷⁹ и многое другое, что одобрил бы Леонтьев.⁸⁰ Но и от *первой любви* (Откр. 2: 4) Фудель не отрекался. От аксаковского славянофильства у него — понимание огромного значения церковной общины и умение устраивать ее жизнь (о. Иосиф известен как пастырь-благотворитель).⁸¹ С Достоевским же его роднит любовь к Христу.⁸² Благодарность писателю, чье слово вывело «русского мальчика — православного немца» на начало дороги в Церковь, не давала о. Иосифу «перешагнуть» Достоевского.

---

⁷⁷ Там же, ед. хр. 1038, л. 19.

⁷⁸ *Фудель И., свящ.* О значении церковной дисциплины в народной жизни // Миссионерское обозрение. 1900. Янв. С. 18—37.

⁷⁹ Там же. С. 23.

⁸⁰ Например, в статье «Два способа действий» высказывается чисто леонтьевская мысль: «...Цели, задачи, средства, сфера деятельности, направление — все это совершенно различное у государства и у Церкви; всякая попытка смешения здесь приводила и приводит к плачевным результатам» (*Фудель И., свящ.* Наше дело в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 3).

⁸¹ В 1892 г. о. Иосиф добился перевода в Москву. Произошло это уже после смерти Леонтьева. До 1907 г. он был священником в «Мертвом доме» (эту аллюзию на Достоевского увидел сын священника; см.: *Фудель С. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 29) — в Бутырской тюрьме, а затем стал настоятелем арбатского прихода — церкви Николая в Плотниках, одним из самых любимых москвичами пастырей. О служении в Бутырках см.: *Фудель И., свящ.* Дневник священника пересыльной тюрьмы // Православная община. 1991. № 3. С. 60—69; № 4. С. 55—63.

⁸² Об этом 6 января 1950 г. С. И. Фудель писал своему сыну Николаю: «...когда я вспоминаю этот Сочельник в детстве и ишу объяснения тому миру, который оттуда до сих пор еще питает мою жизнь, то кажется мне, что источник его только в этой любви к Человеку и Богу, к Христу, которую имел в себе отец. Он его любил — это я знаю, и это запомнилось мне на всю жизнь» (*Фудель С. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 316).